

Глава 2: Кожа

У Лин вернулся в комнату Шэнь Чии с горячей водой.

Шэнь Чии уже снял свою шляпу с вуалью.

Лицо, которое каждый на ночном рынке пытался хоть мельком разглядеть, теперь было полностью открыто.

Точёный нос, брови, выгнутые, словно изящные полумесяцы, нарисованные тушью, и глаза, сияющие, как утренние звёзды. Его ириски были чистого, светящегося светло-коричневого оттенка; в них плясала глубокая, игривая улыбка, которая мягко расцветала в уголках губ, придавая ему очаровательный и романтичный вид.

Бледно-жёлтая лента для волос с затейливой цветочной вышивкой небрежно подвязывала его тёмные пряди. Несколько локонов выбились там, где их задела вуаль, но это не выглядело неряшливо — напротив, добавляло ему налёт непринуждённого изящества. Поистине пленительный образ прекрасного юноши, достойного того, чтобы о нём слагали баллады и поэмы.

Окажись он в «весёлом квартале», даже самые знатные куртизанки по доброй воле отдали бы за него всё своё состояние.

У Лин внутренне вздохнул. Его молодой господин вечно твердил, что юному господину Му нет равных в красоте. Но где же тут «бесподобность»? Если бы молодой господин заглянул в зеркало, разве не увидел бы он там ещё одного такого же?

— Молодой господин? — заметив, что Шэнь Чии отвлекся, У Лин протянул ему смоченное в тёплой воде полотенце и мягко предложил: — Позвольте помочь вам подготовиться ко сну?

Юноша, казавшийся сошедшим с картины мимолётным небожителем, пришёл в себя. Он не взял полотенце. Вместо этого с серьёзным выражением лица и слегка нахмуренными бровями он спросил:

— У Лин, ты не слышал сейчас никаких странных звуков?

У Лин напрягся и быстро прислушался.

Он следовал за Шэнь Чии долгие годы и, хоть и не был мастером боевых искусств, перенял от него некоторые приёмы.

Однако, прислушиваясь довольно долго, он ничего не уловил.

— Нет...

Он огляделся и заметил, что окно, выходящее на озеро, закрыто не до конца. С облегчением он шагнул вперёд, чтобы затворить его.

— Должно быть, это ветер.

Окно плотно закрылось, отсекая шум озерных волн.

В комнате стало так тихо, что слышно было, как падает булавка — и вправду, больше ни звука.

Шэнь Чии лишь сильнее встревожился. Неужели это действительно просто воображение?

Он взял полотенце, которое уже немного остыло, и быстро умылся.

Все ещё чувствуя неладное, он произнёс:

— Мне показалось, что я слышал шум из комнаты брата Му. Прежде чем ложиться, проверь, отдыхает ли он. Если нет — спроси, не нужна ли помощь. Он никогда никого не зовёт. А сегодня ему и так нездоровится. Что, если он из-за слепоты на что-нибудь наткнулся?

Официально У Лин числился слугой наследника принца Цан, но Шэнь Чии относился к нему скорее как к близкому другу. Наедине их беседы были непринуждёнными и свободными.

Поэтому У Лин открыто проворчал:

— Вот вы тут изводитеесь из-за молодого господина Му, а он наверняка уже давно забыл о вас и крепко спит. Молодой господин, в префектуре Цан за вами бегают толпы дочерей знатных родов, так почему вы так одержимы этим холодным господином Му? По-моему, ему на вас наплевать!

Шэнь Чии возразил:

— Это неправда.

У Лин продолжал:

— Молодой господин, сегодня вы приготовили столько сладостей, собираясь угостить ими молодого господина Му после фестиваля фонарей. Я всё видел. Он не съел ни кусочка. Вы всё съели сами.

Шэнь Чии парировал:

— Он не ест перед сном. Это здоровая привычка.

Но, прокручивая слова У Лина в голове, он вдруг почувствовал себя обиженным.

— ...Я не всё съел! Там ещё оставался один пирожок с машем!

— Речь не об этом.

— Именно об этом!

— ...

И всё же У Лину было не по себе.

— Прошло уже много дней, а молодой господин Му ни разу не обмолвился ни о своей семье, ни о происхождении. Лицо человека увидеть можно, а сердце — никогда. Всё, что мы о нём знаем — лишь с его собственных слов. Что, если он просто пользуется добротой молодого господина как возможностью спрятаться и подлечиться? Вы заботитесь о нём, но мы даже не знаем, нет ли у него дома жены.

Шэнь Чии лишь слабо улыбнулся.

Он обдумал всё это задолго до того, как У Лин озвучил свои подозрения.

Дело было не в неведении, а в нежелании заикливаться.

Проще говоря — ему было всё равно.

Был ли Му Чэньсюэ торговцем, каким именно, насколько он богат или знатен — он не знал.

Но ведь и Му Чэньсюэ ничего не знал о его истинной личности.

Они встретились случайно. Если между ними вырастет что-то хорошее, обо всём этом можно будет поговорить со временем. А если нет — так тому и быть.

«По всему миру полно зелёных полей и ароматных трав», — подумал он.

— Моей матери и тетушки Жун здесь нет, так ты теперь перенял их привычку ворчать, — сказал он с полусмешком, сбрасывая верхний халат и расстилая постель. — Всё, что ты сказал, я и так знаю. Не обманывайся мягкостью брата Му. На самом деле у него непростой характер. Я извожу его день за днём, увиваюсь вокруг него, как щебечущий воробей. Если бы я был ему по-настоящему безразличен, он бы уже давно вышел из себя.

— А как же жена? — не отступал У Лин. — Молодой господин спрашивал? С внешностью и талантами господина Му, да ещё учитывая, что он старше вас — он в самом расцвете сил для брака. Даже если у него нет жены или наложницы, семья должна была давно устроить помолвку...

— Я не спрашивал, — без колебаний признался Шэнь Чии. — Но я уверен, что он не женат.

С тех пор как он взял Му Чэньсюэ на борт, чтобы выводить его, Шэнь Чии потакал своим глазам: каждый день приносил мужчине роскошные, отобранные вручную одежды, лично помогал ему одеваться и обрабатывал раны.

Поначалу Му Чэньсюэ сопротивлялся. Но спустя несколько дней настойчивости Шэнь Чии он неохотно смирился.

И всё же каждое утро Шэнь Чии ловил на его спокойном лице мимолётные тени дискомфорта — выражения, исчезающие слишком быстро, чтобы их ухватить.

Но этого было достаточно, чтобы понять: он не привык к такой близкой заботе.

Куда там жене или наложницам — скорее всего, даже слуги никогда не прислуживали ему так

тесно.

У Лин нахмурился:

— Как вы можете быть уверены, если не спрашивали?

— Даже если я никогда не ел свинину, я видел, как бегают свиньи. Я достаточно часто бывал в «весёлых домах» префектуры Цан.

— Молодой господин...

Прежде чем У Лин успел продолжить нотации, Шэнь Чии вытолкнул его за дверь.

— Ладно, хватит. Мы ещё даже тушь не развели! Любовь должна быть взаимной. Если у него нет чувств ко мне, я не стану принуждать. Дела сердечные — пустяки. Еда и сон — вот истинные дела жизни. Итак, господин У Лин, могу я теперь поспать?

Беспомощный У Лин ответил:

— Тогда отдыхайте, молодой господин. Я пойду проверю господина Му ради вас.

Шэнь Чии проводил его, закрыл дверь, прополоскал рот, переоделся в одежду для сна и нырнул под одеяло.

Ночь становилась глубже.

Какое-то время он лежал с открытыми глазами.

У Лин не возвращался — значит, с Му Чэньсюэ всё в порядке.

Неужели ему и впрямь послышалось?

Неужели его ум притупился от праздной жизни в Цзяннани, тренировки заброшены, и он не может отличить свист ветра от движений человека?

Шэнь Чии беспокойно перевернулся.

Прогулочное судно уже давно миновало шумный рынок Тунхуай. Снаружи воцарилась тишина — в обычных домах лампы погасли, двери закрылись.

Холодный ночной ветер дул не переставая, как вдруг тишину прорезал едва уловимый звук.

Звук открываемого окна.

— Кто-то ворвался!

Хрупкая сонливость, которую Шэнь Чии наконец удалось собрать, мгновенно улетучилась. Он распахнул глаза и сел в постели.

На этот раз он точно не мог ошибиться!

Но в его собственной комнате ничего не шевелилось.

Лодка была двухпалубной. У Лин для удобства надзора оставался внизу с рулевым.

На этом уровне было всего две каюты — его и соседняя, где спал Му Чэньсюэ...

«!!»

Даже не потрудившись накинуть верхний халат, Шэнь Чии выскочил из постели и бросился к двери Му Чэньсюэ.

Как только он приблизился, ветер донёс до него слабый запах крови.

Шэнь Чии распахнул дверь.

Его встретила тьма.

Окно было распахнуто настежь, заливая пол серебристым лунным светом, которого едва хватало, чтобы разглядеть происходящее.

Му Чэньсюэ, обычно столь педантичный в чистоте, поник у кровати. Его рука, прижатая к матрасу, была рассечена, алая кровь расплывалась по расшитому рукаву.

А прямо перед ним — человек в маске, одетый в чёрное, с мечом в руке, пошатнувшийся, словно после неудачного выпада.

Услышав, как распахнулась дверь, незванный гость отчаялся и, отбросив осторожность, яростным замахом направил меч прямо в сердце Му Чэньсюэ.

Он был намерен убить его любой ценой!

Всё произошло в мгновение ока.

Шэнь Чии бросился к маленькому столику у кровати и опрокинул его пинком.

Уже погасший золотой фонарь в форме журавля, стоявший на нём, взлетел в воздух!

С порывом ветра фонарь упал точно на острие меча!

В одно мгновение маленькая каюта наполнилась грохотом падающих вещей, воцарился хаос.

Шэнь Чии не колебался: он подхватил упавший меч и полоснул нападавшего — его удары были точными и свирепыми, заставляя того отступать!

Противник не дрогнул, ответив диким замахом. Клинки столкнулись в тусклом свете, высекая искры.

Они обменивались ударами стремительно. Движения ассасина были отчаянными и нескладными после первой осечки, в то время как действия Шэнь Чии — расчетливыми, основанными на долгих тренировках.

Убийца снова сделал выпад, но Шэнь Чии увернулся, ударив ногой, чтобы вывести его из равновесия.

За считанные вдохи они обменялись не менее чем тремя ударами.

Ассасин, гонимый паникой, слишком сильно раскрылся при ударе. Шэнь Чии воспользовался моментом и последним решительным парированием выбил меч из его рук.

Ум Шэнь Чии лихорадочно соображал.

Этот человек пришёл убивать. Если его не остановить, он нападет снова. И теперь, когда он увидел лицо Шэнь Чии, даже малейший шанс на раскрытие его истинной личности мог обернуться катастрофой.

Решение пришло мгновенно: нельзя дать ему уйти.

Вспышкой он шагнул вперёд, преграждая путь, и нанёс удар ногой по запястью, в котором тот всё ещё пытался удержать оружие.

Пока враг шатался от боли, Шэнь Чии мгновенно обезоружил его, сорвал чёрную вуаль, закрывавшую лицо, и, схватив за запястья, вывернул их с резким хрустом.

Меч со звоном упал, вонзившись в деревянный пол, не запятнанный кровью.

Неподалёку раздался голос У Лина:

— Молодой господин?!

— Неси лекарство для ран и вино! — рявкнул Шэнь Чии, не оглядываясь.

У Лин, в смятении, тут же отозвался:

— Да!

Почти в тот же миг в комнате раздался глухой звук.

Человек в чёрном тяжело рухнул на пол. С искалеченными руками он больше не мог пошевелиться.

Сорванная вуаль медленно опустилась, открыв жестокое, незнакомое лицо.

Даже пойманный, он не съёжился и не молил о пощаде. Это был не вор и не грабитель. Это был ассасин — и его цель была предельно ясна.

Шэнь Чии замер, его лицо потемнело.

Кто послал этого убийцу?

С таким мастерством — обычная семья не смогла бы его нанять. Какую вражду навлек на себя Му Чэньсюэ, и почему он не позвал на помощь?

Или же клинок предназначался ему самому, а Му Чэньсюэ просто приняли за цель?

Но его личность была тщательно скрыта, при нём был только У Лин. Никакая информация не должна была просочиться...

Мысли пронеслись в голове за долю секунды. Он решил сначала проверить состояние Му Чэньсюэ, а затем допросить ассасина.

Но прежде чем он успел пошевелиться, раздался глухой звук — сталь вошла в плоть.

Он резко обернулся.

Му Чэньсюэ неповрежденной рукой сжимал рукоять кинжала, вонзив его в грудь убийцы.

Все подозрения Шэнь Чии, все его запутанные тревоги были отсечены в одно мгновение этим единственным жестоким ударом. В голове стало пусто.

— Вы... — пробормотал он в шоке.

Выражение лица Му Чэньсюэ не изменилось. Поворотом запястья он выдернул кинжал.

Кровь брызнула во все стороны.

Ассасин охнул, широко раскрыл глаза, судорожно глотнул воздух и затих.

Брызги крови окропили бледное лицо Му Чэньсюэ, лунный свет подчеркнул его черты. Он был бледен от потери крови, лицо застыло в холодной маске, а взгляд казался пустым.

Он походил на призрака из подземного мира или изгнанного небожителя из иных сфер.

Только тогда Шэнь Чии заметил, как неестественно бледен тот был. На лбу от боли выступил пот, а глаза слабо мерцали, будто он мог рассыпаться в прах в любой момент под нежным лунным светом и ночным бризом.

Взгляд Шэнь Чии опустился ниже — и наткнулся на зияющую рану на его руке.

Он пришёл в себя.

— Брат Му...

Прибежал У Лин, крича:

— Лекарство! Молодой господин, вы ранены?! Что...

Маленькая каюта едва вмещала их, на полу был полный разгром. У Лин смог лишь остановиться в дверях и заглянуть внутрь.

Один взгляд на сцену — и его глаза расширились. Он быстро понизил голос:

— Молодой господин, что здесь произошло?

Шэнь Чии подал знак молчать, присел и проверил дыхание ассасина — мертв.

Он быстро обыскал труп. Как и ожидалось, ничего, что могло бы выдать его личность.

Му Чэньсюэ, словно предугадывая его мысли, наконец заговорил:

— Мои враги прислали его убить меня.

Его голос был низким, тон — ровным, но каждое слово почти незаметно дрожало под непосильной тяжестью.

Его брови были нахмурены, взгляд расфокусирован, тело напряжено от боли. Запястье дрожало от того, что он слишком сильно сжимал кинжал, на тыльной стороне ладони проступили вены. Холодная безжалостность, проявленная мгновения назад, исчезла, будто тот смертельный удар был лишь иллюзией в лунном свете.

Он всё ещё восстанавливался после прежних ран, а теперь, прежде чем зажили его глаза, получил новые повреждения.

Переживая за него, Шэнь Чии проглотил свои сомнения и повернулся к У Лину:

— Где лекарство и вино?

— Молодой господин, позвольте мне... — начал У Лин.

Шэнь Чии покачал головой.

Тогда У Лин вбросил в комнату все баночки с мазями и кувшин с вином, что были у него в руках.

Шэнь Чии приподнялся, ловя их одну за другой, но вдруг в глазах поплыло. Нахлынуло головокружение, и он едва не выронил вещи.

Запах крови от трупа смешивался с металлическим запахом от раны Му Чэньсюэ, заполняя комнату.

Возможно, запах был слишком сильным, он бил по чувствам, заставляя голову кружиться.

Он взял себя в руки, прогоняя дурноту, и приказал У Лину:

— Поговорим позже. Сначала спрячь тело в кладовой. Потом разбуди рулевого и направь лодку в глухие воды. Пусть никто нас не увидит.

— Слушаюсь!

У Лин, понимая, что сейчас важнее всего, проглотил вопросы, прокрался внутрь и уволок тело.

Остались только Шэнь Чии и Му Чэньсюэ.

Шэнь Чии опустился на колени рядом с ним, достаточно близко, чтобы осмотреть рану на левой руке Му Чэньсюэ.

Рана уходила вглубь, края были широковаты — это не было похоже на удар мечом, скорее на

порез коротким лезвием.

А длинный меч ассасина всё ещё тускло поблескивал на полу, не запятнанный кровью...

Значит, это был не удар убийцы. Неужели... Му Чэньсюэ ранил себя сам?

Но раздумывать было некогда — кровь сочилась быстро. Шэнь Чии схватил лежавший рядом меч ассасина и полоснул по собственному рукаву.

Р-раз!

Парча, которая ценилась на вес золота, разошлась на полоски.

Без колебаний Шэнь Чии скрутил ткань в жгут и туго перетянул руку Му Чэньсюэ выше раны.

Всё это время Му Чэньсюэ молчал.

Он всё ещё держал кинжал, но в его облике больше не было прежней ледяной жесткости. Взгляд казался отрешённым, будто он погрузился в свои мысли.

По его щекам пробежали полоски крови. В лунном свете этот беспорядок придавал ему странную, призрачную красоту.

В любую другую ночь Шэнь Чии бы уже поддразнил его.

Но сейчас ему было не до флирта.

И всё же его не покидало чувство, что Му Чэньсюэ насторожен — хотя в этой маленькой комнате больше никого не осталось. Неужели... он опасался его?

— Брат Му? — осторожно спросил Шэнь Чии. — Я напугал тебя сейчас?

Му Чэньсюэ, казалось, был застигнут врасплох этим вопросом, он вздрогнул настолько, что на мгновение забыл о боли.

Когда ответа не последовало, Шэнь Чии продолжил:

— Я проверил — он мертв. Не волнуйся. Если придут другие, я останусь здесь на ночь. Если только они не решатся рискнуть и привлечь внимание городской стражи или даже префектуры, они до тебя не доберутся...

«Даже если они нападут толпой, — подумал он, — я просто схвачу Му Чэньсюэ и У Лина и сбегу».

С тех пор как он попал в этот мир, он во многом терпел неудачи, но только не в драке!

Жаль только, что ассасин умер прежде, чем его удалось допросить.

Му Чэньсюэ понизил голос:

— Мои враги пришли за мной. Я втянул вас в это, молодой господин Су.

— Это я должен извиняться, — сказал Шэнь Чии, чувствуя вину, и затянул повязку. — Я не знал, что у тебя есть враги. Скорее всего, это моя вина — настоял на том, чтобы покрасоваться с фонарем сегодня, и навлек беду. Слишком много людей видели тебя на лодке. Должно быть, так они тебя и выследили...

— Я убил человека, — перебил его Му Чэньсюэ. — Вы можете донести на меня властям. Я пойду с ними добровольно. Просто скажите им, что вы тут ни при чём.

Его голос был тихим, каждое слово — взвешенным. Это звучало как предложение или, возможно, проверка, будто он ожидал, что Шэнь Чии именно так и поступит.

Шэнь Чии инстинктивно поднял взгляд, встретившись с этими медленно моргающими глазами.

Хотя он знал, что зрение Му Чэньсюэ всё ещё затуманено, впервые у него возникло странное ощущение, будто этот человек наблюдает за каждым его движением, за каждой реакцией.

Он обнаружил, что не может выдержать этот взгляд, и быстро опустил голову, осторожно срезая пропитанную кровью ткань вокруг раны.

— Этот человек пришёл убить тебя. Он заслужил смерть. Зачем навлекать лишние проблемы, сообщая об этом?

Если бы власти действительно пронюхали, неприятности были бы не только у Му Чэньсюэ — сам он оказался бы в ещё большей опасности, будучи наследником принца Цан, который должен был тихо лечиться в префектуре.

Зачем он предлагал ему донести? Неужели боялся, что он бросит его в трудную минуту?

Но потом он подумал: с братом Му только в прошлом месяце случилось несчастье. Его раны ещё не зажили, он скитается в одиночестве, а теперь едва не лишился жизни снова. Хрупкий молодой ученый, воспитанный в культурной семье — разве он мог раньше проходить через такие бури? Возможно, он и вправду был напуган.

Желая заставить красавца улыбнуться, Шэнь Чии легко усмехнулся, притворяясь беззаботным:

— Не волнуйся, я позабочусь о теле. А пока дай мне обработать твою рану.

При этих словах Му Чэньсюэ слегка наклонил голову.

Почти так, словно он «смотрел» на него.

— Молодой господин Су, вы хотите сказать, что даже если я кого-то убью, вы закопаете труп за меня?

Шэнь Чии, чьи глаза были прикованы к ужасающей ране, небрежно ответил:

— Конечно.

Дзынь—

Мужчина разжал пальцы.

Кинжал со звоном упал на пол.

Шэнь Чии открыл флягу с вином.

Внезапно головокружение накатило снова, как приливная волна.

Что происходит?

Почему он чувствует слабость при виде крови, а теперь даже так реагирует на алкоголь?

Или... ассасин распылил какой-то яд, когда вошёл? Но почему Му Чэньсюэ это не задело?..

Голова стала тяжёлой, дыхание — затруднённым...

Это было невыносимо.

Но У Лин ушёл управлять лодкой, и кроме него некому было перевязать раны Му Чэньсюэ.

Брат Му только что пережил нападение врагов, он ранен, нуждается в утешении и заботе.

Как он может бросить его в такой момент?

Он сильно прикусил нижнюю губу, тут же почувствовав вкус собственной крови. Металлический привкус подстегнул чувства, немного прояснив сознание.

Он посмотрел на Му Чэньсюэ:

— Брат Му, рана сильно болит?

— Но лицо Му Чэньсюэ уже стало мертвенно-бледным, губы обескровели, в лунном свете они отливали фиолетовым.

Однако мужчина лишь слабо покачал головой:

— Рана — это пустяк. Я страдаю от старого недуга. Сегодня... он просто снова обострился. Голова раскалывается.

— Эта рана тоже не пустяк, — возразил Шэнь Чии, поливая её вином. — Потерпи немного. Мы не можем позвать сюда лекаря.

К этому моменту его разум затуманился, и он не заметил, что хрупкий, жалкий молодой господин Му, несмотря на боль, не издал ни звука — лишь рука дрожала, ни единого стога.

Зрение плыло, пока он смывал кровь вином, посыпал рану порошком и отрывал полосу от своей нижней рубахи, чтобы наложить повязку.

Наконец кровотечение замедлилось. Шэнь Чии с облегчением выдохнул, поднимаясь, чтобы

помочь Му Чэньсюэ лечь обратно в постель, его мысли уже были заняты телом убийцы.

Но прежде чем он успел встать, удушающее головокружение обрушилось на него всей мощью. В глазах потемнело, конечности отказались повиноваться, и он рухнул.

В царящем хаосе он оступился и врезался прямо в человека перед собой.

Мужчина легко подхватил его, почти так, будто ожидал этого с самого начала.

Шэнь Чии упал прямо в его объятия.

Снаружи дул холодный ветер первого месяца, но он почувствовал, что укутан теплом, надёжной преградой от холода.

Лодка проплывала под крытым мостом.

Камень над ними поглотил лунный свет, скрыв звезды. Он не мог понять, потемнело ли небо или же погасло его собственное зрение.

Прошли мгновения.

Лодка снова выплыла на открытую воду, и лунный свет вновь рассыпался по ряби волн. Ветер доносил плеск воды в тишине ночи.

Звон в ушах Шэнь Чии утих. Медленно он осознал, что его лоб покоится на плече Му Чэньсюэ.

Мужчина сидел на краю кровати, обхватив его свежеперевязанной рукой и прижимая к себе.

— Брат Му ранен, он всё еще потрясен. Как же он сам может вести себя как какой-то наглый повеса?

Шэнь Чии запаниковал. Хотя перед глазами всё еще прыгали черные пятна, он попытался отстраниться.

Руки вокруг него слегка сжались.

С удивительной силой Му Чэньсюэ легко прижал его обратно, шепча:

— Не двигайся.

...Как будто у него был выбор!

— ...

Мужчина всё ещё удерживал его.

— С детства я принимал лекарства. Мой организм уникален — моя кровь несёт в себе смертельный яд. Тот, кто попробует его или вдохнёт его пары, рискует погибнуть.

Тогда это значит?..

— Чем больше отравленный двигается, тем быстрее наступает смерть. Когда убийца пришёл за мной, я ранил себя, чтобы отравить его.

...Ох.

Это объясняло, почему рана выглядела нанесенной самому себе. Почему на мече ассасина не было крови, а Му Чэньсюэ был ранен.

Значит, брат Му не звал на помощь, потому что у него уже был план. Шэнь Чии только помешал.

Это была не кровь. Не вино. И даже не какой-то сонный порошок.

Это был яд.

Семья торговцев брата Му... были ли они вообще честными людьми? Может, они торговали ядами вместо шёлка и соли?

Шэнь Чии больше не смел шелохнуться. Его лицо горело, он уткнулся в плечо мужчины, его голос звучал глухо:

— Тогда только что...

Он не закончил, но Му Чэньсюэ уже всё понял.

— Твой слуга вдохнул немного. Как только он вышел, токсин рассеялся сам собой.

Но он-то вдохнул предостаточно.

— Противоядие...

— Противоядие, — мягко эхом отозвался Му Чэньсюэ, помедлив перед ответом, — требует времени для приготовления. Даже если кто-то отправится на поиски ингредиентов в это же мгновение, будет уже поздно.

Почему он не сказал этого раньше?

Зачем говорил о доносе властям... Почему ждал, пока У Лин уйдет, пока рана будет перевязана и всё закончится, чтобы сказать это...

— Ты...

Дыхание Шэнь Чии стало тяжелым. Яд сдавливал горло. Он больше не мог говорить.

Ему конец.

Неужели это всё? Он так старался избегать оригинального сюжета все эти годы, и теперь, когда он почти добрался до поздних этапов, он умирает от такой глупой нелепости с отравлением?..

Как несправедливо...

А как же матушка?

А поместье принца Цан? А поваренная книга, которую он с таким трудом составлял и прятал под подушкой? Что, если У Лин вернется, увидит его мертвым и подумает, что Му Чэньсюэ убил его...

Он—

Кто-то внезапно приподнял его подбородок.

Прохладные кончики пальцев очертили челюсть, коснувшись кожи в уголке губ, заставив его вздрогнуть от внезапного холода.

В голове стало пусто. Не было времени думать, не было возможности ясно видеть.

Мужчина наклонил голову. Губы едва коснулись его собственных, и шепот пронесся, подобно туману:

— Есть другой способ. Раз яд исходит от меня, то и противоядие...

Кончик пальца легко скользнул по его щеке.

— ...тоже можно взять у меня.

<http://bllate.org/book/15473/1437717>